

Магистерскій коллоквиумъ.

17 марта текущаго 1905 года, въ покаяхъ преосвященнаго ректора Академіи, состоялся магистерскій коллоквиумъ преподавателя Калужской духовной семинаріи И. Четверикова, представившаго на соисканіе степени магистра богословія свое сочиненіе: „О Богѣ, какъ личномъ существѣ“ (Богословско-философское изслѣдованіе). Диспутантъ, какъ видно изъ прочитаннаго секретаремъ академическаго правленія curriculum vitae, сынъ мѣщанина. Среднее образованіе онъ получилъ въ Тульской семинаріи, по окончаніи которой, въ 1895 году, поступилъ въ Кіевскую Академію. Окончивши курсъ послѣдней со степенью кандидата богословія, онъ въ 1899 году опредѣленъ былъ учителемъ Екатеринодарскаго епархіальнаго училища, а затѣмъ преподавателемъ Калужской духовной семинаріи. Въ августѣ 1903 года имъ было представлено указанное сочиненіе на степень магистра. Признанное въ Совѣтѣ Академіи 10 февраля 1905 года удовлетворительнымъ для искомой степени, оно и было предметомъ открытаго засѣданія 17 марта.

Предъ началомъ диспута авторомъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ, исходя изъ того принципа, что міровоззрѣніе должно имѣть нравственную цѣнность, показы-

ждаетъ въ необходимости логическаго обоснованія теизма. Ученіе послѣдняго о Богѣ, какъ личномъ существѣ, недопустимое съ точки зрѣнія указанныхъ направленій, или допустимое, благодаря непостѣдовательности представителей той или другой философской системы,—должно служить единственной основой нравственности. Логическое обоснованіе ученія о Богѣ, какъ личномъ существѣ, и должно дать цѣльное міровоззрѣніе, удовлетворяющее всѣмъ запросамъ человеческой природы, а главное—состоятельное съ этической точки зрѣнія. Задачей сочиненія, такимъ образомъ, является—логически обосновать и уяснить ученіе о Богѣ, какъ Личномъ существѣ.

Официальными оппонентами были: залуженный ординарный профессоръ П. И. Линицкій, ученикомъ котораго является въ своей диссертации диспутантъ, и и. д. доцента П. П. Кудрявцевъ.

Первымъ возражалъ *П. И. Линицкій*.

Рѣчь ваша является дополненіемъ, расширяющимъ и безъ того обширное сочиненіе, а не разъясненіемъ. А между тѣмъ послѣднее необходимо. Вамъ нужно было бы точно формулировать задачу вашего сочиненія, ибо она въ разныхъ частяхъ сочиненія опредѣляется различно. Правда, эти разности объединяются общей идеей, предметомъ сочиненія. Но все-таки ясно опредѣленная задача сочиненія должна открыто господствовать.

Г. Четвериковъ. Задача сочиненія указала мною въ концѣ рѣчи: логически обосновать и уяснить ученіе о Богѣ, какъ личномъ существѣ.

П. И. Линицкій. А какой вы должны были избрать методъ?

Г. Четвериковъ. Я думаю, что обоснованіе ученія о Богѣ, какъ личномъ существѣ, вполне естественно, встрѣчается съ возраженіями эмпиризма, раціонализма и критицизма. Поэтому сначала критика послѣднихъ, которая

подготавливаетъ почву для слѣдующаго затѣмъ положительнаго уясненія ученія о Богѣ, какъ личномъ существѣ.

П. И. Линицкій. Нужно было бы сначала изложить положительное раскрытіе понятія о Богѣ, какъ личномъ существѣ, а потомъ разобрать возраженія противъ него.

Г. Четвериковъ. Понятіе о Богѣ, какъ личномъ существѣ, не можетъ быть сформулировано сразу; оно выводится на основаніи гносеологическихъ данныхъ, послѣ предварительнаго рѣшенія вопроса о томъ, доступно-ли нашему уму познаніе Абсолютной Личности.

П. И. Линицкій. Сначала вы должны были бы высказать, хотя бы предположительно, свое ученіе о Богѣ, какъ личномъ существѣ. Дальнѣйшее изложеніе критически обосновало бы то, что вами предположено. А то выходитъ, что вы подробно говорите объ эмпиризмѣ, потомъ —раціонализмѣ, критицизмѣ; главный интересъ вашъ сосредоточивается на вопросѣ: познаваема-ли Абсолютная Личность? Поэтому вы подробно говорите о познаніи, считая несостоятельными, съ гносеологической точки зрѣнія, то эмпиризмъ, то раціонализмъ, то критицизмъ. Получается дѣлая гносеологія. Философія Канта, имѣющая центральнымъ своимъ вопросомъ познаніе, излагается, потому, вами во всемъ ея объемѣ. Вы хотите рѣшить, однимъ словомъ, вопросъ: познаемъ-ли мы Абсолютную Личность?

Г. Четвериковъ. Я хотѣлъ рѣшить вопросъ: какъ мы познаемъ Абсолютную Личность? Гносеологія, установленная критическимъ путемъ, даетъ намъ основаніе для построенія понятія о Богѣ, какъ личномъ существѣ, дѣлая его (т. е. понятіе) для насъ необходимымъ.

П. И. Линицкій. Кантъ говоритъ, что это понятіе носитъ субъективный характеръ. Въ противоположность этому, вы утверждаете въ своемъ сочиненіи, что истинное познаніе создается и опытомъ, и умозрѣніемъ. Нуженъ синтезъ того и другого. Богъ, какъ личность,—предметъ и

опытнаго, и умозрительнаго познанія. Но почему-же вы критикуете антропологическую и интуитивную школы, какъ несостоятельныя, когда и та и другая тоже признають важное значеніе опыта?

Г. Четвериковъ. Я признаю ихъ ученіе объ опытѣ несостоятельнымъ потому, что онѣ придаютъ опыту чрезмѣрное значеніе. Понятіе о Богѣ, какъ личномъ существѣ, у нихъ является результатомъ обобщеній.

П. И. Линицкій. А въ сущности вы согласны съ ними, признавая необходимость опыта, но требуя къ нему умозрѣніе въ качествѣ дополненія?

Г. Четвериковъ. Опытъ, по моему, даетъ только матеріалъ, а мышленіе оперируетъ надъ нимъ.

П. И. Линицкій. Вы говорите о построеніи ученія о Богѣ. А какъ это возможно? Здѣсь нужна идея о Богѣ. Эмпирическая же школа говоритъ, что для этого необходимо только общеніе съ Богомъ.

Г. Четвериковъ. Интуитивная и антропологическая школы не установили точно факта воздѣйствія Божества на человѣка. Опытъ я не признаю, какъ они, *путемъ* для богопознанія; онъ даетъ только матеріалъ.

П. И. Линицкій. Для рѣшенія вопроса о томъ, какимъ образомъ человѣкъ приходитъ къ познанію о Богѣ, какъ личномъ существѣ, вы, значить, указываете гносеологическія данныя. А въ рѣчи вы говорите, что для рѣшенія указаннаго вопроса главною основой является нравственная потребность. По вашему выходитъ, что такое только міровоззрѣніе можетъ быть основой для построенія ученія о личномъ Богѣ, которое имѣетъ нравственную цѣнность.

Г. Четвериковъ. Нѣтъ, я не признаю послѣднюю *путемъ* для познанія личнаго Бога. По моему, требуется *логически обосновать* понятіе о Богѣ, какъ личномъ существѣ, такъ, чтобы оно могло удовлетворять нравственной потребности.

П. И. Линицкій. Аналитико-синтетическій методъ вашего сочиненія, соединяющійся съ пространной критикой философскихъ направленій, можетъ-ли быть названъ удобнымъ? Не лучше-ли было бы, если бы вы, представивши положительное раскрытіе вопроса, удѣлили бы критикѣ меньшее мѣсто, предоставивъ самому дѣлу говорить за себя?

Г. Четвериковъ. Нѣтъ, такъ, по моему, дѣйствовать нельзя. Нужно сначала дать твердое обоснованіе своей системы. Иначе мнѣ возразили бы раціоналисты, идеалисты, эмпирики. Вѣдь для нихъ моя точка зрѣнія не будетъ убѣдительною, если я не сдѣлаю предварительной критики ихъ гносеологическихъ основаній. Важно показать сначала сравнительное достоинство принциповъ.

П. И. Линицкій. Дѣло идетъ о методѣ, а не о принципахъ. Я спрашиваю васъ: построено-ли ваше сочиненіе по рекомендуемому вами аналитико-синтетическому методу? Вѣдь сначала надо было бы подвергнуть анализу понятіе Абсолютной Личности, указать ея признаки, примѣнимость къ личному Богу, а потому синтезировать ихъ. А у васъ этого нѣтъ.

Г. Четвериковъ. Въ предислѣдней главѣ я старался установить понятіе о бытіи, а потомъ доказать, что это понятіе стоитъ въ связи съ понятіемъ о Личности Абсолютной. Эмпирики указываютъ свойства личности съ феноменальной ея стороны. Спиноза ищетъ ихъ въ томъ, что лежитъ за ними. Какъ же я указалъ бы свойства личности, не подвергнувъ предварительной критикѣ эмпирической и раціоналистической методы? Гносеологія, которую при этомъ рассматривалъ, является средствомъ для построенія понятія о личности. Я долженъ былъ пріобрѣсти это средство прежде построенія понятія о личности вообще, а затѣмъ—Личности Абсолютной.

П. И. Линицкій. Все-таки попутная критика лучше,—при положительномъ изслѣдованіи. Это даетъ возможность

держаться опредѣленнаго понятія объ Абсолютномъ Существовѣ, которое и указываетъ опредѣленную же, попутную точку зрѣнія на различныя направленія. Благодаря такой постановкѣ, критика у васъ стояла бы не такъ широко, заполняя громадное пространство; если же это есть, то отъ сочиненія вашего получается впечатлѣнiе, будто вы не сообразуетесь съ основной идеей его.

Г. Четвериковъ. Я не ограничиваюсь одной только критикой; у меня указываются и недостатки эмпиризма и другихъ направлений. Эмпиризмъ, напримѣръ, смотритъ на все съ чисто количественной точки зрѣнія. Его понятіе о Богѣ, какъ личномъ существѣ, приводитъ къ скептицизму.

П. И. Липицкій. Да эмпиризмъ, вѣдь, игнорируетъ понятіе о личномъ Богѣ.

Г. Четвериковъ. Милль подвергаетъ разбору теизмъ.

П. И. Липицкій. Онъ разбираетъ его, какъ явленіе психологическое, а не философское. Такъ же дѣлаетъ и Спенсеръ. Вамъ-же какое дѣло до психологiи?

Г. Четвериковъ. Если процессъ антропоморфизаціи и дезантропоморфизаціи вѣренъ, то моя работа не нужна.

П. И. Липицкій. Но все-таки не нужно было-бы вамъ разсматривать эмпиризмъ въ полномъ его объемѣ.

Г. Четвериковъ. Я брать только гносеологію эмпиризма.

П. И. Липицкій. У васъ нѣтъ опредѣленнаго понятія о Богѣ, какъ личномъ существѣ. Вопросъ объ этомъ—вопросъ философскій, а не богословскій. Онъ имѣлъ большое значеніе въ философіи Гегеля, который доказывалъ, что сознаніе личности человека явилось въ христіанствѣ. Въ язычествѣ не было полного сознанія этого. Почему такъ? Причина этого—въ воплощеніи Самого Бога, Который позналъ Себя, какъ личность. Для этого необходимо было ограниченіе безконечнаго. Личнымъ можетъ быть только ограниченное. До этого необходимо были цѣлый рядъ частныхъ ограниченій,

которыя приводили Абсолютное къ постепенному сознанію Себя, какъ Личности. Гегель, такимъ образомъ, поставилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ философскомъ. Онъ разсматриваетъ воплощеніе, какъ явленіе Бога, какъ ограниченіе Имъ Самого Себя, до котораго Онъ не сознавалъ Себя личностью. Въ воплощеніи, слѣдовательно,—единственное средство сознанія Богомъ Себя, какъ личности.

Г. Четвериковъ. Я касался этого вопроса. Съ точки зрѣнія Гегеля личность представляется то какъ универсальное понятіе, присущее только Богу, то какъ простая индивидуальность. Такое противорѣчіе обусловливается его гносеологической точкой зрѣнія.

П. И. Линицкій. Личность является то ограниченной—какъ человѣкъ, то безграничной—въ своей сущности...

Г. Четвериковъ. Чтобы рѣшить вопросъ,—составляетъ ли ограниченное начало принадлежность сущности личности, для этого нужно было разсмотрѣть гносеологію.

П. И. Линицкій. По Канту познаніе—явленіе. Вещь въ себѣ абсолютна. Поскольку же она является себѣ, постольку познаетъ себя. Человѣчество и пришло такимъ образомъ съ Богомъ къ сознанію себя, какъ личности.

Г. Четвериковъ. У Гегеля вѣдь только Богъ—личность, а человѣкъ—простая маска. Онъ отождествляетъ внутреннюю сторону—личность и внѣшнюю—твореніе.

П. И. Линицкій. Всякій человѣкъ, по Гегелю, воплощеніе Божества. Цѣли міра и человѣка различны. Вамъ бы слѣдовало имѣть въ виду необходимость различать временное отъ вѣчнаго. Между тѣмъ вы коснулись главнымъ образомъ гносеологической точки зрѣнія.

Г. Четвериковъ. Я ее бралъ потому, что критика ея подрываетъ все, въ основѣ чего лежитъ она. Для правильнаго понятія объ Абсолютномъ необходима правильная гносеологическая точка зрѣнія.

П. И. Линицкий. Предметъ вашего сочиненія трудный, но важный. Здѣсь сказывается справедливость извѣстнаго изреченія Симонида: „Чѣмъ больше о чемъ-либо размышляешь, тѣмъ болѣе оно становится непонятнымъ“. Для богословско-философскаго изслѣдованія нужна широкая подготовка: она обнимаетъ двѣ значительныя научныя области. Далеко легче разрабатывать спеціальныя философскіе вопросы. Вотъ почему въ вашемъ сочиненіи и замѣтны крупныя недостатки. Особенно бросается въ глаза разбросанность изложенія, благодаря чему важнымъ частямъ удѣлено недостаточно мѣста. Побочные же вопросы раскрыты широко. Очевидно, здѣсь сказалась необходимость пріобрѣсти, для написанія сочиненія, много знаній. Но для этого нужно было и много труда, къ которому вы отнеслись съ видимымъ расположеніемъ. Это даетъ право быть увѣреннымъ, что вы будете работать и дальше“.

Послѣ П. И. Линицкаго возражалъ и. д. доцента *П. П. Кудрявцевъ.*

„Вопросъ, затронутый вашимъ сочиненіемъ,—центральный, сложный. Путь изслѣдованія у васъ свой. Однако это не освобождало васъ отъ изученія всѣхъ сочиненій по данному вопросу и въ западной, и въ нашей литературѣ. Это привело васъ къ тому, что вамъ пришлось выяснитъ понятія бытія и цѣлесообразности, личности и свободы (стр. 12-я). Рѣшеніе этихъ понятій самостоятельно. Но какъ начало, ваша работа вызвала нѣкоторыя недоумѣнія. Главное недоумѣніе—методологическаго характера: чѣмъ онредѣляется содержаніе вашего сочиненія,—содержаніемъ философскихъ системъ, или же указанными основными понятіями? На стран. 12-й вы выводите свой методъ изъ состава понятій, а далѣе вы, какъ будто, измѣняете въ пользу философскихъ системъ. „Установка основныхъ началъ бытія и познанія, говорите вы, возможна только чрезъ критику философскихъ системъ“

(стр. 12-я). Вѣдь еще Кантъ указалъ, что критика должна направляться не на системы, а на нашъ разумъ. Нужно было яснѣе указать, почему вы хотите избрать указанный путь.

Г. Четвериковъ. Мой трудъ опредѣляется составомъ проблемъ (стр. 12). Но при разсмотрѣніи ихъ, я встрѣчаю различныя направленія: эмпиризмъ, раціонализмъ, критицизмъ. Ихъ я рассматриваю со стороны поставленныхъ въ началѣ понятій. Конечно, приведенная вами выдержка—не точное выраженіе! дальше я имѣю въ виду не системы, а направленія.

П. П. Кудрявцевъ. Все-таки здѣсь вы могли бы кое-что опустить,—напримѣръ, о Контѣ, о которомъ сказано мало. Затѣмъ, къ чему доказывать, что сущность позитивизма въ эмпиризмъ? Достаточно указать на тѣхъ, кто были эмпириками въ собственномъ смыслѣ: на Милля, Спенсера...

Г. Четвериковъ. Контъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи эмпиризма. Онъ ставилъ вопросъ о томъ, въ чемъ сущность позитивизма.

П. П. Кудрявцевъ. На стр. 14-й вы говорите, что не слѣдуетъ смѣшивать системы съ методомъ, какъ это дѣлается въ современной позитивистической литературѣ. Но дальше я не нахожу яснаго разграниченія между ними. На стр. 286-й вы говорите: „Ни опытъ чувственный (эмпиризмъ) и сверхчувственный (интуитивная философія), ни чистое мышленіе (панлогизмъ и отчасти панентеизмъ), ни индукція или дедукція, а *цѣлостная философская система или аналитика—синтетическій методъ*—вотъ единственное средство къ обоснованію теистическаго ученія о реальномъ бытіи Абсолютной Личности“.

Г. Четвериковъ. Здѣсь—неточность выраженія. Въ философіи нельзя примѣнять ни анализа, ни синтеза, въ отдѣльности каждый. Здѣсь требуется каждое понятіе поста-

вить въ связи съ другими, въ логическую цѣпь. Это и будетъ вѣрнымъ обоснованіемъ понятія о Богѣ, какъ личномъ существѣ. Его ни вывожу изъ опыта, ни свожу къ простымъ понятіямъ: я ставлю это понятіе въ связь съ другими. Здѣсь—система, о методѣ—въ опытныхъ наукахъ.

П. П. Кудрявцевъ. Все-таки вполнѣ отчетливаго понятія о философскомъ методѣ не получается: строгаго различія философскаго метода отъ научнаго нѣтъ. Стр. 283—285, по своей краткости и нѣкоторой неясности, не соотвѣтствуютъ тому значенію, которое вы придаете этому методу. Развѣ мы не находимъ въ математикѣ того соединенія анализа и синтеза, какое вы допускаете въ философскомъ методѣ? (Стр. 283).

Г. Четвериковъ. Въ математикѣ теорема сводится къ аксіомамъ. Въ философскомъ же методѣ анализъ даетъ матеріалъ, но не въ смыслѣ доказательства, а—въ смыслѣ простого матеріала.

П. П. Кудрявцевъ. Основу вамъ даетъ опытъ, а не анализъ. Если же вы говорите объ анализѣ, то чѣмъ же онъ отличается отъ анализа опытныхъ наукъ?

Г. Четвериковъ. Въ положительныхъ наукахъ изъ опыта берутъ общія черты, объединяя ихъ въ понятіи закона; эти, въ свою очередь, путемъ постепеннаго обобщенія, объединяются въ одномъ главномъ законѣ. Въ области философіи анализъ имѣетъ другое значеніе: здѣсь не происходитъ обобщенія,—изъ опыта выдѣляются идеальныя, а не общія черты. Путемъ обобщенія мы не придемъ къ понятію о Богѣ. Это возможно только чрезъ выдѣленіе идеальныхъ чертъ изъ опыта.

П. П. Кудрявцевъ. Нужно было-бы выработать, для обозначенія вашего метода, другой терминъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ чего нужно начинать изслѣдованіе? Съ анализа? Что въ этомъ случаѣ будетъ служить объектомъ познанія?

Опытныя данныя. Но о нихъ, оказывается, можно говорить, какъ объ отвлеченіи. Въ представленіи о свѣтѣ соединяются и апріорныя, и опытныя данныя. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, отличается вашъ методъ отъ научнаго? Эта неопредѣленность обусловливается, какъ будто, тѣмъ, что гносеологическія понятія у васъ не сведены въ цѣлое: слишкомъ много удѣлено мѣста критикѣ.

Г. Четвериковъ. Мною сдѣланы только нѣкоторые выводы. Работу свою я считаю незаконченной.

П. П. Кудрявцевъ. Какъ нужно понимать то противоположеніе, которое вы дѣлаете на стр. 10-й метода Аристотеля методу Платона. Вѣдь Аристотель понималъ свое наведеніе такъ: созерцая частные факты, я усматриваю въ нихъ различное и общее,—путемъ умозрѣнія. Если же здѣсь дѣйствуетъ умозрѣніе, то можно-ли говорить о томъ, что силлогизмъ Аристотеля не носитъ Платоновскаго характера: онъ не имѣлъ бы никакого значенія, если бы не усматривалъ общаго въ частномъ. А вѣдь это платонизмъ?

Г. Четвериковъ. Философскія понятія, которыя ставятся во внутреннюю связь, являются истинными постольку, поскольку они стоятъ въ этой связи. Въ математикѣ же понятія становятся истинами самоочевидными; они истинны по непосредственному созерцанію. Чрезъ критику основныхъ воззрѣній я и старался установить философскій методъ построенія понятій. Пока мною даны только основанія для этого; недостаетъ же сведенія ихъ въ систему.

П. П. Кудрявцевъ. На стр. 10-й вы говорите, что силлогизмъ—существенный элементъ въ методѣ доказательствъ. Тутъ же говорите, что силлогизмъ приложимъ въ математикѣ. А при критикѣ метода Спинозы вы математическому методу противопоставляете логическій, силлогистическій (стр. 95-я).

Г. Четвериковъ. Форма силлогизма и въ математикѣ, и въ философіи—одна и та же. Но въ математикѣ посыл-

ками являются истины самоочевидныя. Въ логическомъ же методѣ ими служатъ понятія, принимаемыя пока на вѣру.

П. П. Кудрявцевъ. И тамъ, и здѣсь у васъ анализъ представляется различнымъ. Но это—предпосылка вашего сочиненія, недостаточно выясненная съ гносеологической точки зрѣнія. Методъ доказательствъ—въ силлогизмѣ; онъ же примѣняется и въ математикѣ... А на стр. 95-й вы упрекаете Спинозу въ смѣшеніи этого метода въ его употребленіи въ математикѣ и въ мышленіи философскомъ.

Г. Четвериковъ. Да вѣдь я не говорю же: математическій и силлогистическій методы. Я говорю: математическій и логическій.

П. П. Кудрявцевъ. Нѣтъ, у васъ въ критикѣ Спинозы ставится между терминомъ „логическій“ и „силлогистическій“ знакъ равенства.

Г. Четвериковъ. Изъ самаго изложенія должно быть ясно, что это—случайное отождествленіе.

П. П. Кудрявцевъ. Декартъ различалъ дедукцію силлогистическую отъ дедукціи въ математикѣ, относя первую къ области средневѣковой философіи, а по отношенію къ математикѣ устанавливая, что въ ней—синтезъ извѣстныхъ построеній, а не понятій, какъ у васъ: вы устанавливаете сущность силлогистического метода,—синтезъ понятій,—путемъ построенія системы.

Г. Четвериковъ. Построенія невозможны.

П. П. Кудрявцевъ. Ихъ можно строить въ воображеніи. Я не защищаю Декарта. Я ссылаюсь на него затѣмъ только, чтобы показать на необходимость различенія силлогизма въ математикѣ и философіи, чего не замѣтно у васъ на стр. 10-й и 95-й.

Г. Четвериковъ. Въ главѣ IV-й, объединяющей выводы, много неяснаго... Абсолютная идея объединяетъ какъ абсолютное единство, такъ и абсолютное различіе. Формы

мышленія не только апріорны, но и объективны. Познаніе — и различающая, и объединяющая дѣятельность. Абсолютное единство — результатъ синтеза. А по Канту она — основа синтеза. У него она не объективна, а у меня — объективна.

П. П. Кудрявцевъ. Значить, абсолютная идея — въ самомъ концѣ философскаго изслѣдованія?

Г. Четвериковъ. Конечно, въ концѣ.

П. П. Кудрявцевъ. Зачѣмъ вы говорите о всецѣломъ подчиненіи міра идеальнымъ стремленіямъ личности? Можемъ-ли мы говорить объ этомъ?

Г. Четвериковъ. Конечно постольку, поскольку онъ подчиняется человѣческимъ стремленіямъ, выражающимся въ человеческой личности.

П. П. Кудрявцевъ. Но вы выражаетесь болѣе категорически. Затѣмъ, въ противоположность эмпиризму, вы утверждаете, что телеологія — единственное основаніе для признанія божественной Личности. Есть еще и другой путь. Со-кратъ говорилъ, что онъ природы не знаетъ, онъ знаетъ дѣла человѣка. Для этого нужно углубиться въ себя. Разумъ, оказывается, носить черты универсальности. Сюда относится ученіе объ общечеловѣческомъ разумѣ (Канта, Гегеля), который открывается въ самомъ человѣкѣ. Это бросаетъ свѣтъ цѣлесообразности и на природу, которая принимаетъ характеръ послѣдней уже потомъ, а не сразу.

Г. Четвериковъ. Нужно взять все бытіе, а не только человѣческій разумъ.

П. П. Кудрявцевъ. И указанный методъ также не исключаетъ изученія природы. Своей телеологіей вы слишкомъ рѣзко расходитесь съ эмпириками. Лучше было обратиться къ разуму.

Г. Четвериковъ. Это антропологическій методъ. Здѣсь нѣтъ точности. Онъ даетъ мѣсто субъективизму. Благодаря этому, цѣлесообразность приходится истолковывать въ смыслѣ механическомъ.

П. П. Кудрявцевъ. Нужна вѣра въ самодостовѣрность разума.

Г. Четвериковъ. Да я не беру только внѣшнюю природу, безъ разума. Вѣру въ разумъ и я признаю.

П. П. Кудрявцевъ. Въ борьбѣ съ позитивизмомъ нужно установить необходимость общеобязательныхъ принциповъ. Прежде чѣмъ разсматривать природу, ихъ нужно установить. Нельзя сказать, чтобы рекомендуемый мною методъ давалъ шаткія основанія. Не нужно говорить и о вашемъ методѣ, какъ о единственномъ... Затѣмъ, почему вы говорите о чувствѣ, какъ элементъ личности? Вѣдь наше чувство стоитъ въ условіяхъ пространства, времени, органическихъ переживаній.

Г. Четвериковъ. Я признаю большее значеніе за самосознаніемъ и волей.

П. П. Кудрявцевъ. Въ какомъ же смыслѣ вы говорите тогда о любви?

Г. Четвериковъ. Въ Богѣ, какъ абсолютной святости и блаженствѣ;—съ одной стороны,—и объединенной любовью дѣятельности по отношенію ко всему,—съ другой,—совмѣщаются и блаженство и любовь.

П. П. Кудрявцевъ. Въ заключеніе сдѣлаю вамъ краткія замѣчанія со стороны историко-философской. Почему вы говорите, что матеріализмъ является крайнимъ раціонализированіемъ сложной психической жизни? (Стр. 162).

Г. Четвериковъ. Это—неточность выраженія.

П. П. Кудрявцевъ. Почему вы считаете систему Фейербаха строгимъ выводомъ изъ системы Гегеля?

Г. Четвериковъ. Здѣсь—логическая связь.

П. П. Кудрявцевъ. Развѣ ново-кантіанецъ Ланге придаетъ главное значеніе въ познаніи чувству?

Г. Четвериковъ. Постольку, поскольку оно направлено на уясненіе абсолютнаго существа.

П. П. Кудрявцевъ. Зачѣмъ вы привлекаете Тѣна, удѣляя ему неясное и краткое изложеніе, благодаря чему выводъ его объ ощущеніи и—особенно—движеніи—неясенъ.

Г. Четвериковъ. Я его коснулся отчасти. Онъ имѣетъ значеніе постольку, поскольку эмпирически устанавливаетъ объективную достовѣрность.

П. П. Кудрявцевъ. На стр. 47—49-й вы даете неясное и различное опредѣленіе Спенсеромъ интуиціи. Правда, это объясняется различіями и колебаніями въ гносеологіи самого Спенсера: онъ понимаетъ интуицію то какъ непосредственное сознаніе, то онъ отождествляетъ ее съ разумомъ. Вамъ слѣдовало бы указать, что эта неопредѣленность принадлежитъ ему, а не вамъ. Терминологія вашего сочиненія не совсѣмъ опредѣленна: вы употребляете термины—„позитивизмъ“ и „идеализмъ“; почему бы вамъ не говорить объ „эмпиризмѣ“—послѣ того, какъ вы доказали, что сущность позитивизма—эмпиризмъ? Равнымъ образомъ, и терминъ „идеализмъ“ довольно эластиченъ. Въ другихъ мѣстахъ вы употребляете термины: „пантеизмъ“ и „реализмъ“. Въ общемъ же, съ вѣйшей стороны, ваше сочиненіе производитъ пріятное впечатлѣніе (напримѣръ,—въ отношеніи цитатіи). Въ надеждѣ, что вы не остановитесь надъ переработкой его внутренняго содержанія, рекомендую вамъ обратить особенное вниманіе на методологію.

Г. Четвериковъ. Въ этомъ—задача моей будущей работы.

Совѣтъ Академіи, находя защиту удовлетворительной, постановилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи г-на Четверикова въ степени магистра богословія.